

Принцесса Лоюнь — Великая принцесса.

В пятнадцать лет её отправили в соседнее государство для заключения брачного союза, но в тот же год там вспыхнула война и сменился правитель. Император, пожалев её, приказал вернуть дочь обратно.

Вернувшись, принцесса Лоюнь навсегда оставила мысли о любви и с головой ушла в буддизм.

Ци Мумянь знал о ней лишь это; если говорить точнее, они были почти не знакомы.

Увидев приглашение, Цзи Юй произнес:

— Твои слуги сказали, что это прислала Великая принцесса, и велели тебе непременно явиться.

Цзи Сичжао нахмурился. Несколько дней назад Великая принцесса уже присылала приглашение в резиденцию премьер-министра, но он его еще не читал.

Однако он знал чуть больше, чем Ци Мумянь: Великая принцесса и Четвертая принцесса были родными сестрами. В следующем месяце Четвертой принцессе исполнялось пятнадцать лет, и этот банкет с любованием цветами явно затевался ради того, чтобы подыскать ей достойного мужа.

Вот только он не ожидал, что Великая принцесса пришлет приглашение даже Ци Мумяню.

Ци Мумянь лишь мельком взглянул на письмо и убрал его.

Он вернулся в комнату, переоделся в свою одежду и собрался было прогуляться, но Цзи Сичжао не позволил, велел следовать за ним в кабинет для занятий.

Занятий тем, как правильно использовать чэньюи...

Кабинет Цзи Сичжао был невелик: на самом виду стоял стол из красного дерева, на котором в строгом порядке располагались кисти, тушь, бумага и тушечница. За столом высился стеллаж, заставленный книгами.

В этой предельно лаконичной комнате, однако, нашлось место для шестиногой подставки для свитков из вяза, вот только самой вазы для свитков на ней не было, отчего предмет выглядел чужеродно.

Ци Мумянь невольно задержал на нем взгляд.

Цзи Сичжао заметил его внимание, помедлил и мягко произнес:

— Если хочешь, можешь забрать её себе.

Ци Мумянь поднял голову, посмотрел на него и рассмеялся:

— Твои вещи мне даром не нужны, брезгую.

Злоба Ци Мумяня нет-нет да и прорывалась наружу. Хотя Цзи Сичжао уже привык, сердце всякий раз невольно сжималось от тупой боли.

Он поджал губы, сел за письменный стол и углубился в документы.

Прочитав один свиток, Цзи Сичжао увидел, что Ци Мумянь все еще стоит на месте, и бросил:

— Иди разотри тушь.

— Разотри тушь!? — голос Ци Мумяня внезапно взлетел вверх, а в глазах вспыхнул гнев.

— Мы договорились: три дня ты работаешь слугой, — холодно произнес Цзи Сичжао. — Если не растираешь тушь, какой из тебя слуга?

— ...— Ци Мумянь не ожидал, что тот говорит всерьез.

Ци Мумянь был грубым воякой до мозга костей. Хотя в юности семья и заставляла его несколько лет посещать школу, всё выветрилось из головы еще в армейских лагерях.

Не говоря уже о такой тонкой работе, как растирание туши.

Ни силы нажатия, ни нужной пропорции воды, ни техники — у него не было ничего.

Засучив рукава, он принялся яростно тереть брусок.

Цзи Сичжао, глядя на его грубые движения, только и делал, что вздыхал:

— Юный генерал, эта тушь сорта Хуэй, стоящая тысячи золотых, в ваших руках чувствует себя хуже, чем угольный стержень.

Ци Мумянь и так не хотел этим заниматься, а услышав такое, стал еще раздражительнее:

— То, что я вообще её растираю, уже великая честь для неё.

Цзи Сичжао скривил губы, побежденный его бесстыдством, и снова погрузился в бумаги.

Как только в тушечнице набралось немного черной жидкости, Ци Мумянь швырнул брусок в сторону, словно совершил великий подвиг.

— Готово, — он потер запястье и, пройдя к кушетке, повалился на неё. — Уморил ты меня, расходуя теперь понемногу.

Цзи Сичжао посмотрел на эту черную жижу и попробовал макнуть кисть.

Ложится неровно, цвет неоднородный, сохнет медленно, быстро выцветает.

...Худшее из худшего.

Надо же быть таким талантом, чтобы превратить сокровище среди тушей в подобное безобразие.

Талант же ничуть не осознавал, что погубил ценную вещь. Полежав немного, он заскучал еще сильнее.

Вдруг что-то вспомнив, Ци Мумянь просиял.

Он вскочил на ноги:

— Уже почти полдень, пойду приготовлю тебе обед.

Когда Цзи Сичжао оторвался от документов, тот уже торопливо выбежал за дверь.

Цзи Сичжао посмотрел на пустой дверной проем, погрузившись в раздумья.

Ци Мумянь не обманул: не прошло и получаса, как он позвал Цзи Сичжао к столу.

Цзи Сичжао пришел в главную залу и увидел, что небольшой круглый стол заставлен едой.

С сомнением в душе он сел.

Ци Мумянь, видя, что тот не берет палочки, понял, чего он боится. Он попробовал каждое

блюдо и, закатив глаза, бросил:

— Яда там нет!

Только тогда Цзи Сичжао взял палочки и отправил кусочек в рот.

Стоило еде коснуться языка, как он нахмурился. Тщательно прожевав, он почувствовал, как в рот ударил резкий вкус соли. Цзи Сичжао даже побоялся жевать дальше и просто проглотил.

Ци Мумянь всё это время наблюдал за ним. Заметив, что лицо того перекосилось, он удивленно спросил:

— Что такое? Невкусно?

— Немного солоновато... — уклончиво ответил Цзи Сичжао. — Впрочем, терпимо.

— А!? — Ци Мумянь схватил чайник, налил чашку чая и, протягивая её, поспешно произнес: — Тогда пей скорее чай, остальное не ешь.

Цзи Сичжао взял чашку и, прежде чем сделать глоток, заметил на чайниках нерастворившийся белый порошок.

— ...— у него дернулась жилка на виске.

Значит, еда была без яда, а ловушка ждала здесь.

Ци Мумянь, еще не зная, что его проделка раскрыта, с участливым видом торопил:

— Пей быстрее, станет легче.

Цзи Сичжао, разумеется, не рискнул. Он поставил чашку, и в его опущенных глазах отразились сложные чувства:

— Ци Мумянь, что это на сей раз? Мышьяк или аконит?

Стоило этому прозвучать, как вся наигранность Ци Мумяня исчезла. Он уставился на Цзи Сичжао:

— Попробуешь — узнаешь.

Цзи Сичжао почувствовал, что если так пойдет и дальше, то рано или поздно Ци Мумянь сведет его в могилу. Не желая доставлять тому удовольствие, он сказал:

— Я наелся. Раз уж ты приготовил этот обед, негоже ему пропадать. Доедай всё сам.

Ци Мумянь опешил:

— Столько? Ты хочешь, чтобы я лопнул?

Цзи Сичжао поднялся, с трудом сдерживая гнев, и отрывисто произнес:

— Ци Юй, следи за ним. Пока не доест, не выпускать.

Цзи Юй, который давно не мог смотреть, как Ци Мумянь пользуется вседозволенностью, громко отозвался:

— Есть! Будьте спокойны, господин, я глаз с него не спущу!

Цзи Сичжао развернулся и вышел, не давая себе шанса передумать.

Ци Мумянь остался сидеть перед столом, заставленным невыносимо соленой едой, не зная, что делать. Ну, и еще с Цзи Юем, у которого нос задрался до небес.

— Ци Мумянь, ешь давай, — улыбка Цзи Юя сияла, как весеннее солнце. — А то остынет — совсем невкусно будет.

— Не буду я ничего есть, и что ты мне сделаешь? — Ци Мумянь не дурак, доест — и половины жизни лишится.

Цзи Юй подошел к дверям, закрыл их и с улыбкой ответил:

— Ничего не сделаю, просто не выпущу тебя, вот и всё.

Ци Мумянь каждый раз ходил по краю, пользуясь покровительством Цзи Сичжао и творя вещи, которые нормальный человек не сделал бы. Если бы Ци Мумянь был хоть капельку жестокосерднее, Цзи Юй давно бы погиб от его клинка.

Цзи Юй сел напротив Ци Мумяня, глядя на остывающие блюда, и дружелюбно напомнил:

— В резиденции премьер-министра не терпят расточительства. Если не съешь сейчас, придется

доедать вечером.

Лицо Ци Мумяня почернело. В конце концов, со слезами на глазах он умял почти всё, что приготовил, а под конец, не выдержав, начал макать еду в чашку с водой.

На войне он, бывало, и древесные корни грыз от голода, так что эта еда не казалась ему чем-то невыносимым — просто злость на Цзи Сичжао крепла с каждой минутой.

А вот Цзи Юй, глядя на то, с какой жадностью тот поглощает еду, даже испугался.

<http://bllate.org/book/19772/1947892>